

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-10>

УДК 340

Attribution

cc by

АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Тихонов Р.И.

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, r.tikhonov00@gmail.com

***Аннотация.** В представленной статье проанализировано понятие «арбитрабельность» применительно к трансграничным корпоративным отношениям, раскрыта классификация видов корпоративных споров по критерию возможности их передачи в арбитраж, а также проведен сравнительно-правовой анализ подходов к арбитрабельности корпоративных конфликтов в Германии, США и России. В статье рассмотрены примеры из судебной практики и международные договоры как нормативная основа обсуждаемых проблем. Сделан вывод о наличии парадоксов: с одной стороны, наблюдается расширение арбитрабельности корпоративных конфликтов в транснациональном бизнесе, с другой — сохраняются законодательные барьеры и различия подходов. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию пределов автономии воли сторон в корпоративных спорах и указывают на необходимость комплексного учета национальных особенностей права при выборе арбитража как механизма разрешения таких споров.*

***Ключевые слова:** арбитрабельность; корпоративные споры; иностранный элемент; трансграничные споры; международный коммерческий арбитраж; признание и исполнение арбитражных решений.*

***Финансирование:** инициативная работа.*

Original article

ARBITRABILITY OF CORPORATE DISPUTES: A COMPARATIVE STUDY

Roman I. Tikhonov

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

***Abstract.** The present article examines the concept of «arbitrability» in the context of cross-border corporate relations, outlines a classification of corporate disputes by their admissibility to arbitration, and offers a comparative legal analysis of approaches to the arbitrability of corporate conflicts in Germany, the United States, and Russia. The article refers to examples from judicial practice and international treaties as the normative basis for the issues under discussion. A conclusion is drawn that certain paradoxes are evident: on the one hand, there is a trend toward expanding the arbitrability of corporate conflicts in transnational business, while on the other, legislative barriers and differing approaches persist. The results contribute to a deeper understanding of the limits of party autonomy in corporate disputes and highlight the necessity of comprehensively taking national legal particularities into account when choosing arbitration as a mechanism for resolving such disputes.*

***Keywords:** arbitrability; corporate disputes; foreign element; cross-border disputes; international commercial arbitration; recognition and enforcement of arbitral awards.*

***Funding:** Independent work.*

Введение

Развитие международного бизнеса и усложнение корпоративных отношений с участием иностранных инвесторов ставят вопрос о допустимых способах разрешения возникающих споров. Арбитраж традиционно рассматривается как гибкий и конфиденциальный механизм урегулирования коммерческих разногласий, однако применимость арбитража к корпоративным спорам (спорам, связанным с управлением и участием в юридических лицах) не является безусловной. Арбитрабельность в общем смысле означает способность спора быть предметом рассмотрения в третейском суде (арбитраже) вместо государственного суда [9]. При этом законодательство отдельных государств

устанавливает императивные ограничения, то есть определенные категории дел могут быть изъяты из ведения арбитража и подсудны исключительно государственным судам (так называемые неарбитрабельные споры). В международном частном праве отсутствует единое универсальное определение круга неарбитрабельных вопросов; как отмечают исследователи, «арбитрабельность является правилом, а неарбитрабельность — исключением» [9], тем не менее пределы допустимости арбитража значительно варьируются от страны к стране.

Особую сложность представляет арбитрабельность корпоративных споров, осложненных иностранным элементом, то есть ситуаций, когда корпоративный конфликт затрагивает

сразу несколько юрисдикций – например, спор между участниками компании разных государств, спор относительно долей в иностранном юридическом лице, либо конфликт, возникающий из трансграничной сделки M&A. Такие споры по природе своей международные и часто подталкивают стороны к выбору международного коммерческого арбитража как нейтрального форума. Однако правовые парадоксы проявляются, когда нормы национального права ограничивают возможность рассмотрения подобных корпоративных разногласий в арбитраже. В разных правовых порядках сложились различные подходы к вопросу: в одних странах (например, в США) исторически преобладала презумпция в пользу арбитража даже по широкому кругу корпоративных дел [10], тогда как в других (например, в Германии) арбитрабельность внутренних корпоративных споров долгое время ставилась под сомнение судьями и доктриной, но эволюционировала под влиянием практики Верховного суда Германии (BGH) [8]. В России проблема арбитрабельности корпоративных споров приобрела особую остроту после реформы арбитражного законодательства 2016 года, которая одновременно разрешила третейским судам рассматривать определенные корпоративные дела и установила жесткие условия такого разрешения [6].

Актуальность исследования обусловлена как потребностями деловой практики, так и теоретической значимостью вопроса о пределах автономии воли в корпоративных отношениях. С одной стороны, транснациональные корпорации и инвесторы заинтересованы в единообразном и предсказуемом разрешении конфликтов, которого позволяет достичь арбитраж (в том числе посредством приведения решения в исполнение за рубежом согласно Нью-Йоркской конвенции 1958 года [1]). С другой стороны, государства стремятся сохранить за своими судами контроль над ключевыми спорами, затрагивающими публичные интересы или права третьих лиц (как часто бывает в корпоративных спорах, влияющих на участников корпорации, не подписывавших арбитражное соглашение). В результате возникает коллизия юрисдикций и нормативных установлений, порождающая современные вызовы и парадоксы.

Исследование опирается на общенаучные и специальные юридические методы. Применен формально-юридический метод для анализа нормативных актов, регламентирующих арбитрабельность споров, в частности, рассмот-

рены положения Арбитражного процессуального кодекса РФ (глава 28.1 АПК РФ, устанавливающая подведомственность корпоративных споров государственным судам и допускающая отдельные категории корпоративных дел в третейский суд) [2], Федерального закона РФ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» № 382-ФЗ [3] и закона № 409-ФЗ [4], внесшего изменения в регулирование арбитража, а также сопоставимые законодательные положения зарубежных стран (например, §1030 Гражданского процессуального уложения Германии (Zivilprozessordnung, ZPO), п. 2 Федерального арбитражного акта США 1925 г. (Federal Arbitration Act, FAA)).

Важную роль сыграл сравнительно-правовой анализ, так как были сопоставлены доктринальные подходы и судебные решения трех правовых порядков – российского, немецкого и американского – в части допустимости арбитража по корпоративным спорам. Сравнительный метод позволил выявить общие тенденции (например, постепенное расширение арбитрабельности коммерческих споров во всех рассмотренных странах) и расхождения (такие как особые требования к арбитражу корпоративных конфликтов в Германии или законодательный запрет в России на передачу отдельных споров в иностранный арбитраж).

Обсуждение

Арбитрабельность корпоративного спора определяется законодателем каждой конкретной страны исходя из сочетания частных и публичных интересов. В общем виде объективная арбитрабельность – это способность конкретного вида спора быть разрешенным в арбитражном порядке. Трансграничный характер корпоративных отношений усложняет этот вопрос, поскольку необходимо учитывать требования нескольких юрисдикций одновременно.

Для признания корпоративного конфликта арбитрабельным в международном смысле требуется двойное соответствие:

1) спор должен быть арбитрабелен по праву страны, выбранной сторонами для арбитража (например, по праву места арбитража),

2) спор не должен относиться к неарбитрабельным по праву государства, где потенциально будет испрашиваться принудительное исполнение арбитражного решения [9].

Невыполнение любого из этих условий ведет к тому, что итоговое решение арбитров останется декларацией, не имеющей юридической силы в нужной юрисдикции. Например,

если спор о правах участников российской компании будет рассмотрен в зарубежном арбитраже, но по российским законам относится к исключительной компетенции суда, решение иностранного арбитража не получит признания в России на основании 244 АПК РФ и Нью-Йоркской конвенции 1958 г. (неарбитрабельность спора).

В российском правовом порядке вопрос арбитрабельности корпоративных споров получил нормативное разрешение в 2016–2017 годах посредством реформы третейского законодательства. Помимо прочего, была сформирована трехуровневая классификация корпоративных споров по критерию арбитрабельности, закрепленная в ст. 225.1 АПК РФ (в ред. Федерального закона № 409-ФЗ от 29.12.2015):

1. Неарбитрабельные корпоративные споры – закрытый перечень категорий, которые не могут быть переданы в третейский суд ни при каких условиях, так как выделяются такие виды конфликтов, которые резервируются за государственной судебной системой ввиду их особой значимости и участия круга лиц, не охваченных арбитражным соглашением.

2. Условно арбитрабельные корпоративные споры – дела, которые могут быть разрешены третейским судом, но только при соблюдении специальных требований к форме арбитража и институту, его осуществляющему. Законодатель ввел правило, что определенные споры из корпоративных отношений подведомственны арбитражу исключительно в постоянно действующих арбитражных учреждениях (ПДАУ), имеющих специализированные правила для корпоративных разбирательств [5]. На практике число ПДАУ, отвечающих данным требованиям, ограничено, и в первые годы после реформы (2017–2018) в них практически отсутствовала арбитражная практика по корпоративным делам [5], что свидетельствует о сложности и новизне механизма.

3. Свободно арбитрабельные корпоративные споры – это корпоративные конфликты, которые могут быть переданы в арбитраж без специальных условий, помимо обычного заключения арбитражного соглашения между сторонами. В эту категорию подпадает большинство коммерческих споров, связанных с корпоративной сферой (конфликты между участниками по поводу исполнения договорных обязательств, выплаты прибыли, осуществления опционов на доли и т.п.), если только они не влияют на вопросы внутреннего управления самой компанией.

Трехступенчатая модель демонстрирует компромисс – Россия признала принципиальную возможность арбитража корпоративных споров, но ввела ограничения, стремясь предотвратить злоупотребления и защитить публичные интересы. Результатом стало то, что трансграничные корпоративные конфликты, посягающие на «чувствительные» сферы корпоративного управления (например, структура органов общества или права неопределенного круга акционеров), де-факто остаются вне досягаемости международного арбитража, если существенный связанный элемент относится к России.

В Германии исторически корпоративные споры (в особенности, споры об оспаривании решений собраний участников) считались проблематичными для арбитража. Федеральный верховный суд Германии (BGH) в решении 1996 года вообще отрицал арбитрабельность споров по недействительности решений собраний участников GmbH, аргументируя это тем, что арбитражное решение не может иметь *erga omnes* эффекта для всех участников, как это предусмотрено нормами корпоративного закона [8]. Однако последующая эволюция законодательства и судебной практики изменила ситуацию. К 2009 году BGH пересмотрел свою позицию, признав, что корпоративный спор может быть передан в арбитраж при условии соблюдения ряда гарантий процессуальных прав всех участников корпорации.

В частности, в решении по делу II ZR 255/08 от 2009 г. суд указал критерии, которым должен отвечать арбитраж корпоративного конфликта: все участники общества должны согласиться на арбитраж (например, через арбитражную оговорку в уставе), каждый из них должен иметь равную возможность участвовать в выборе арбитров, все заинтересованные лица должны быть извещены о начале разбирательства и допущены к участию, а все связанные споры по одному корпоративному решению должны рассматриваться в рамках единого арбитража. Если эти условия не выполнены, арбитражное соглашение считается ничтожным. Дальнейшее развитие закрепило данный подход: в решении 2017 года BGH распространил указанные требования и на споры участников товариществ (полных и командитных) [13]. Таким образом, современный немецкий подход состоит в том, что все внутренние корпоративные споры с экономическим содержанием в принципе арбитрабельны, за исключением некоторых корпоративно-правовых вопросов публич-

ных акционерных обществ. Закон прямо запрещает включать арбитражные оговорки в устав публичных акционерных компаний (AG), чьи акции торгуются на бирже, в части споров о действительности решений собраний акционеров – такие споры находятся в исключительной подсудности государственных судов [11]. В остальных же случаях ничто не препятствует заключению арбитражного соглашения либо в уставе (для GmbH, закрытых обществ), либо отдельным договором между конкретными участниками. В целом, Германия пришла к модели, при которой арбитрабельность корпоративных конфликтов признается, но процессуальная приемлемость арбитража достигается путем особых процессуальных требований, делающих арбитраж по возможностям равноценным суду.

В США правовая система традиционно характеризуется проарбитражной политикой, так, Федеральный арбитражный акт (ФАА) провозглашает юридическую силу и исполнимость любого письменного арбитражного соглашения, касающегося предмета, затрагивающего межштатную или внешнюю торговлю [10]. Верховный суд США на протяжении десятилетий последовательно расширял сферу применения арбитражных оговорок, распространяя их действие даже на требования, возникающие из федеральных статутов (например, по законам о ценных бумагах и антимонопольному законодательству) [10]. В корпоративной области это выражается в широком допущении к арбитражу споров между хозяйственными обществами, споров, вытекающих из договоров купли-продажи бизнеса, акционерных соглашений, соглашений о слияниях и поглощениях и т.п. В американской практике арбитраж обычен для разрешения конфликтов между акционерами и менеджментом, если стороны заключили соответствующее соглашение. Ограничения проявляются лишь в отдельных аспектах корпоративного права, связанных с публичными рынками капитала.

Так, в штате Делавэр – ведущей юрисдикции по корпоративному праву США – в последние годы обсуждалась возможность принудительного арбитражного претензий акционеров публичных компаний (включая групповые иски акционеров). Хотя Федеральный закон (ФАА) допускает такие оговорки, делавэрские суды заняли позицию, что само корпоративное законодательство штата может воспрепятствовать арбитражу некоторых акционерных исков. В деле *Salzberg v. Sciabacucchi* (2020) Верховный суд Делавэра подтвердил право корпораций

устанавливать в уставах форум для рассмотрения исков акционеров (state forum selection), однако вопрос об арбитраже требований акционеров публичных компаний вызвал дискуссии [12]. Эксперты отмечают, что хотя с точки зрения договора устав корпорации можно рассматривать как «контракт» между акционером и обществом, штат Делавэр как суверен, выдающий корпоративный устав, может не дать согласия на передачу определенных споров (например, групповых исков о мошенничестве на рынке ценных бумаг) в арбитраж. Фактически, делавэрские суды исходят из того, что некоторые акционерные разбирательства – особенно те, что затрагивают права неопределенного круга инвесторов – являются частью публичного регулирования и не могут быть полностью отданы на усмотрение частного арбитража. Тем не менее, подавляющее большинство корпоративных коммерческих споров в США арбитрабельно, и в договорах между компаниями широко присутствуют арбитражные оговорки.

В целом, сравнительно-правовой анализ показывает, что американский подход наиболее либерален, так как он исходит из презумпции действительности арбитражного соглашения и возможности арбитража при отсутствии прямого законодательного запрета. Германия находится в средней позиции – арбитраж разрешен, но сопряжен с процессуальными условиями. Россия, несмотря на реформы, сохраняет наибольшую осторожность, существенно ограничивая как круг арбитрабельных корпоративных споров, так и допустимые формы арбитража.

Таким образом, арбитрабельность корпоративных споров с иностранным элементом формируется на стыке национальных и международных начал. Многое зависит от внутренней политики государства (как видно на примере РФ, где законодатель четко провел границы арбитрабельности и отреагировал на санкции новыми ограничениями), но при этом глобальные тенденции создают давление в сторону расширения сферы арбитража.

Результаты

Сопоставление теории и практики арбитража корпоративных споров в разных юрисдикциях позволяет выявить ряд правовых парадоксов и проблемных зон, обозначившихся в современных условиях и отражающих противоречие между глобальным характером корпоративной деятельности и фрагментированностью правового регулирования, сохраняющейся на национальном уровне.

Корпорации действуют глобально, но споры о корпоративном управлении по-прежнему «приземлены» в национальные правовые системы. С одной стороны, транскорпоративные отношения предполагают, что конфликт между акционерами из разных стран логично решать в универсальном порядке (через международный арбитраж), без предпочтения национальному суду одной из сторон. С другой стороны, государства не готовы полностью отпустить корпоративные споры в транснациональное пространство, видя в них отражение своих публичных интересов. Отсюда – сохраняющиеся исключения из арбитрабельности. Парадоксально, но чем больше иностранный элемент в корпоративном конфликте, тем сильнее стремление каждой затронутой юрисдикции заявить свои правила игры. Например, немецкий BGH допустил арбитраж для внутренних споров GmbH, но если бы речь шла о трансграничном конфликте, к процессу добавились бы требования международной юрисдикции (напрямую Германия, правда, не ограничивает арбитраж иностранных корпоративных споров, но сама может отказать в исполнении, если, скажем, спор затрагивает права миноритариев немецкой биржевой компании). Российская же практика вовсе демонстрирует защитную реакцию: когда иностранный элемент использован, чтобы обойти запрет на арбитраж, суды применяют доктрину «обхода закона», рассматривая зарубежную форму как чисто техническую и утверждая свою юрисдикцию [7]. Таким образом, глобальность спора оборачивается усилением локального суверенитета – явный парадокс современности.

Корпоративные споры затрагивают одновременно частнопровые притязания (права участников, договорные обязательства) и публичные интересы (защита третьих лиц – миноритариев, кредиторов, прозрачность рынка). Парадокс арбитража в том, что он является частной юстицией и по своей природе менее приспособлен защищать разнонаправленные интересы неопределенного круга лиц. В суде, например, решение об отмене решения общего собрания акционеров действует для всех, и закон обеспечивает механизм участия всех акционеров. В арбитраже, как мы видели на примере Германии, приходится искусственно воссоздавать эти механизмы, иначе решение затронет только участников арбитража. Получается, что для корпоративных споров арбитраж должен играть по правилам суда, теряя часть своих преимуществ (конфиденциальность – уже нет, нужно уведом-

лять всех; автономия сторон – ограничена требованием единогласия всех участников на оговорку; скорость – ниже из-за усложненной процедуры). Такой компромиссный арбитраж, возможно, утрачивает смысл для сторон, что и подтверждается отсутствием практики: компании не спешат включать арбитражные оговорки в уставы или заключать их всем составом участников, понимая громоздкость процедуры [5]. Значит, вывод заключается в том, что строгое соблюдение всех гарантий, требуемых для арбитража корпоративного спора, фактически делает его менее привлекательным, чем государственный суд, подрывая цель самого арбитража. Здесь проявляется напряжение между защитой публичных интересов и желанием сторон решить вопрос приватно. Разные страны балансируют по-разному: США идут по пути доверия частной автономии (раз акционеры договорились об арбитраже, пусть решают без суда даже потенциально коллективные вопросы), Германия ищет баланс (арбитраж да, но quasi-judicial), Россия, можно сказать, склоняется к публично-правовому подходу (большинство корпоративных вопросов оставляет государственному суду). Универсального решения дилеммы пока не найдено.

Обобщая, можно сказать, что арбитрабельность корпоративных споров с иностранным элементом сегодня – это поле напряжения между тенденцией к либерализации и унификации (ведущей к расширению арбитража) и контртенденцией к национальному протекционизму (ведущей к новым ограничениям). Парадоксально, но обе эти линии развития часто существуют в рамках одного правового порядка. Россия, например, либерализовала арбитраж в 2017 году, а в 2020 году ввела новую «неарбитрабельность» по санкциям; США продвигают арбитраж договорных споров, но допускают ограничение в уставах корпораций; Германия разрешила внутренний корпоративный арбитраж, но зафиксировала запрет для публичных акционерных обществ. В каждом случае компромисс между частным и публичным началом сдвигается то в одну, то в другую сторону.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов о текущем состоянии и проблемах арбитрабельности корпоративных споров с иностранным элементом.

Во-первых, арбитрабельность в корпоративной сфере – многослойное явление. Она определяется на пересечении национального за-

конодательства, договорной воли сторон и международных обязательств государств. Корпоративные споры одновременно затрагивают интересы отдельных участников и более широкий круг третьих лиц, поэтому вопрос об их передаче в арбитраж решается сложнее, чем для обычных коммерческих конфликтов. В целом подтверждается тезис, что общая тенденция – расширение арбитрабельности, но с существенными оговорками для корпоративных дел.

Во-вторых, российская модель арбитрабельности корпоративных споров представляет собой гибрид запретов и разрешений. Список неарбитрабельных корпоративных споров в АПК РФ отражает стремление сохранить под контролем государства ключевые корпоративно-правовые вопросы (структура органов, стратегические общества, права не участвующих в соглашении лиц). Одновременно закон допускает арбитраж ряда споров, особенно договорных, связанных с корпоративными отношениями, но вводит институциональные ограничения. Первые годы применения этой модели выявили ее недостаточную эффективность: крупный бизнес не спешит пользоваться новыми возможностями арбитража, опасаясь сложности процедуры и раскрытия информации. Тем не менее, сама по себе реформа 2016–2017 гг. показала поворот к признанию роли международного арбитража в корпоративных конфликтах, чего ранее не было (Конституционный Суд РФ в старых решениях фактически не допускал такую возможность).

В-третьих, западные подходы (Германия, США) демонстрируют, что традиционные барьеры постепенно отступают, хотя не исчезают полностью. В Германии снято принципи-

альное возражение против арбитража корпоративных споров – решением ВGH установлены условия, при выполнении которых арбитраж допустим. Законы США изначально не содержали ограничений арбитрабельности корпоративных споров и государство остается наиболее благоприятной юрисдикцией для арбитража, хотя в корпоративном управлении публичных компаний прослеживается идея ограничить навязывание арбитража миноритариям. Отличие в том, что в Германии инициатором либерализации выступила судебная власть (ВGH), в США – практика самих корпораций и арбитражная доктрина, а в России – законодатель, носящийся между либерализацией и контролем.

Современные вызовы и правовые парадоксы арбитрабельности корпоративных споров с иностранным элементом отражают переходный этап в развитии международного арбитража. Можно наблюдать своеобразное «маятниковое» движение: периоды расширения автономии сторон сменяются периодами усиления государственного контроля. В таких условиях правоприменителю и арбитражным институтам важно стремиться к балансу – обеспечивать предсказуемость и эффективность арбитража, не игнорируя при этом легитимные интересы государств. Одним из возможных путей преодоления обозначенных противоречий является диалог между правовыми системами и выработка общих принципов арбитрабельности, по аналогии с принятыми международными материальными нормами. Например, международные организации могли бы разработать рекомендации по арбитражу корпоративных споров (soft law), учитывающие лучшие практики Германии, США, России и других стран.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // *Вестник ВАС РФ*. - 1993. - № 8.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // *Собрание законодательства РФ*. - 29.07.2002. - N 30. - ст. 3012.
3. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" // *Собрание законодательства РФ*. - 04.01.2016. - N 1 (часть I). - ст. 2.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 N 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" // *Собрание законодательства РФ*. - 04.01.2016. - N 1 (часть I). - ст. 29.

5. Арбитрабельность корпоративных споров в РФ: изменения в законодательстве // *Arbitration.ru*. – URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/arbitrabelnost-korporativnykh-sporov-v-rf-izmeneniya-v-zakonodatelstve/> (дата обращения: 04.04.2025).
6. Федоров А.М. Арбитрабельность корпоративных споров: последствия реформы 2016 г. // *Уральский журнал правовых исследований*. 2021. № 1. С. 59–64.
7. Arbitrability of corporate disputes: dispute in relation to "Delovye Linii" // *DLA Piper*. – URL: <https://www.dlapiper.com/en/insights/publications/2021/10/arbitrability-of-corporate-disputes-dispute-in-relation-to-delovye-linii> (дата обращения: 05.04.2025).
8. Arbitrability of Shareholder Disputes in Germany // *Kluwer Arbitration Blog*. – URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/02/07/arbitrability-shareholder-disputes-germany/> (дата обращения: 02.04.2025).
9. Issues relating to Challenging and Enforcing Arbitration Awards // *Norton Rose Fulbright*. – URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-de/knowledge/publications/ee45f3c2/issues-relating-to-challenging-and-enforcing-arbitration-awards-grounds-to-refuse-enforcement> (дата обращения: 05.04.2025).
10. Manesh M., Grundfest J. A. The Corporate Contract and Shareholder Arbitration // 98 *N.Y.U. L. REV.* 1106 (2023). URL: <https://ssrn.com/abstract=4214943> (дата обращения: 03.04.2025).
11. Raeschke-Kessler H. Objective Arbitrability of Corporate Disputes – the German Perspective // *European Business Organization Law Review*. 2002;3(3):553-567.
12. Salzberg, et al. v. Sciabacucchi // *Justia*. – URL: <https://law.justia.com/cases/delaware/supreme-court/2020/346-2019.html> (дата обращения: 11.04.2025).
13. The Arbitrability of German Shareholder Resolutions: Limited Partnerships Now also Covered // *Lexology*. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f77216ff-c239-41cd-84af-d39462247864> (дата обращения: 05.04.2025).

References

1. The United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded in New York in 1958) // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. - 1993. - No. 8.
2. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 N 95-FZ (as amended on 12/28/2024) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. - 07/29/2002. - N 30. - art. 3012.
3. Federal Law of December 29, 2015 N 382-FZ (as amended on 08.08.2024) "On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation" // *Collection of legislation of the Russian Federation*. - 04.01.2016. - No. 1 (part I). - V. 2.
4. Federal Law No. 409-FZ of December 29, 2015 (as amended on July 03, 2016) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Paragraph 3 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law "On Self-Regulatory Organizations" in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // *Collection of legislation of the Russian Federation*. - 04.01.2016. - No. 1 (part I). - V. 29.
5. Arbitrability of corporate disputes in the Russian Federation: changes in legislation // *Arbitration.ru*. – URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/arbitrabelnost-korporativnykh-sporov-v-rf-izmeneniya-v-zakonodatelstve/> (date of reference: 04/04/2025).
6. Fedorov A.M. Arbitrability of corporate disputes: consequences of the 2016 reform // *Ural Journal of Legal Research*. 2021. No. 1. pp. 59-64.
7. Arbitrability of corporate disputes: dispute in relation to "Delovye Linii" // *DLA Piper*. – URL: <https://www.dlapiper.com/en/insights/publications/2021/10/arbitrability-of-corporate-disputes-dispute-in-relation-to-delovye-linii> (date of access: 04/05/2025).
8. Arbitration of Shareholder Disputes in Germany // *Kluwer Arbitration Blog*. – URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/02/07/arbitrability-shareholder-disputes-germany/> (date of access: 04/02/2025).
9. Issues relating to Challenging and Enforcing Arbitration Awards // *Norton Rose Fulbright*. – URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-de/knowledge/publications/ee45f3c2/issues-relating-to-challenging-and-enforcing-arbitration-awards-grounds-to-refuse-enforcement> (accessed: 04/05/2025).
10. Manesh M., Grundfest J. A. The Corporate Contract and Shareholder Arbitration // 98 *N.Y.U. L. REV.* 1106 (2023). URL: <https://ssrn.com/abstract=4214943> (date of request: 04/03/2025).
11. Raeschke-Kessler H. Objective Arbitrability of Corporate Disputes – the German Perspective // *European Business Organization Law Review*. 2002;3(3):553-567.
12. Salzberg et al. v. Sciabacucchi // *Justia*. – URL: <https://law.justia.com/cases/delaware/supreme-court/2020/346-2019.html> (date of access: 04/11/2025).
13. The Arbitration of German Shareholder Resolutions: Limited Partnerships are now also Covered // *Lexology*. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f77216ff-c239-41cd-84af-d39462247864> (date of request: 04/05/2025).

Информация об авторе:

Тихонов Роман Игоревич, Студент 2 курса Магистратуры, Международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия, r.tikhonov00@gmail.com

Roman I. Tikhonov, 2nd year Master's degree student, International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.06.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.